

Глава 2. Жуткий огромный великан

— Что тебе нужно?

Кроха попытался подняться, опираясь на сломанную веточку как на костыль, но травмированная спина подвела. Он потерял равновесие, рухнул на одеяло и покатился кубарем.

От этого падения одеяло совсем сползло, обнажив не только круглый животик, но и худые коленки. Малыш остался совершенно нагим.

Таотэ ухмыльнулся ещё шире. Малышка попробовал зашевелиться снова, но силы окончательно покинули его, и он затих.

Смех Таотэ оборвался. Он наклонился ближе, разглядывая распростёртое на одеяле крошечное голое тело.

Похоже, удар вышел чувствительным — бедолага лежал без движения, будто потерял сознание. Впрочем, помня о недавнем уроке, Таотэ не спешил приближаться вплотную. Ему вовсе не улыбалось получить очередную рану в щеке от острой шпильки.

Присмотревшись, он понял, что кроха всё же в сознании. Тот слабо морщился от боли, одной ручкой прижимая ладонь к раненому боку, а второй рукой мёртвой хваткой сжимая костяную шпильку, которую ухитрился стащить у Таотэ.

Почувствовав, что грозный великан навис над ним, раненый приоткрыл глаза. В его взгляде читался страх, но сдаваться он не собирался. Превозмогая слабость, пленник попытался отползти, волоча непослушное тело по постели.

— Тебе лучше не дёргаться, — предупредил Таотэ. — Снова кровь пойдёт.

— Чу... господин, не подходите... — прошелестел малыш.

Он был бледен как смерть, губы посинели от боли, но в глазах всё ещё горело упрямство.

«Только бы он меня не сожрал!»

— У тебя рана на пояснице открылась, — вздохнул Таотэ.

Он просто приставил указательный палец к лбу упряма и слегка толкнул, без труда опрокинув его на спину.

Для вконец обессиленного крохи этого толчка хватило с лихвой. Парень затих, судорожно и неглубоко хватая ртом воздух — казалось, в нём едва теплилась жизнь.

Шпилька выскользнула из его пальцев и покатилась в сторону. Он попытался нащупать её вслепую, но лишь беспомощно скрёб ладонью по ткани.

Таотэ наклонился ниже, осматривая повреждения. Кожа вокруг глубокого пореза покраснела и сильно припухла — началось воспаление. А теперь из разорванных краёв снова сочилась тёмная кровь. Выглядело это скверно.

Таотэ нахмурился. Дело принимало опасный оборот. Простым зеленолистником тут уже было не обойтись — рана оказалась слишком запущенной. То, что этот недомерок до сих пор шевелился и даже пытался спорить, походило на предсмертную вспышку угасающего разума.

Оставь его сейчас без помощи — и к утру можно будет копать могилу.

— Ты... — попытался выдавить малютка, но лишь невнятно пробормотал что-то пересохшими губами.

— Лежи смирно, — бросил Таотэ и поднялся.

Он снова соорудил из одеяла подобие гнезда, бережно, но плотно укутав пленника, чтобы тот не вздумал куда-нибудь уползти. Впрочем, бегство мелкому сейчас явно не грозило — он и пальцем пошевелить не мог. И всё же для верности Таотэ прикрыл лаз сверху подушкой, превратив укрытие в надёжный кокон.

Убедившись, что всё надёжно, он вытащил из-под кровати глиняный горшок и вытряхнул из него все свои сбережения — красные ракушки. Эти ракушки он собирал по крупичкам, во всём себе отказывая. Берёг на будущее — думал, пригодятся, когда решит обзавестись парой. Кто же знал, что заначку придётся вытряхнуть ради этого недоразумения.

Сунув монеты-ракушки в карман, Таотэ вихрем вылетел из дома. Он промчался через половину поселения и, запыхавшись, заколотил в дверь хижины лекаря. Едва створка приоткрылась, он бесцеремонно протиснулся внутрь.

— Уважаемый, мне нужно сильное средство! Срочно! Любые ракушки отдам!

Только оказавшись внутри, он понял, что пришёл не вовремя. В комнате у лекаря сидели гости — несколько молодых оборотней. Все трое были примерно одного с ним возраста. Выделялся среди них один рослый парень, чей мощный хвост зачем-то украшала нелепая отметина — пучок белой шерсти на самом кончике.

Внезапное появление запыхавшегося Таотэ заставило гостей удивлённо переглянуться.

Впрочем, расслышав его отчаянную просьбу, они не стали задавать лишних вопросов и вежливо поднялись со своих мест.

— Раз такое дело, мы пойдём, — произнёс оборотень, стоявший ближе всех к белохвостому великану. — А по нашему вопросу, уважаемый лекарь, решите всё, как договаривались.

Попрощавшись, компания покинула хижину.

Как только за ними закрылась дверь, Таотэ снова накинудся на старика:

— Ну так что? Есть у вас сильная мазь, чтобы и кровь унять, и жар снять?

— Да когда же ты остепенишься, малец? — проворчал лекарь, качая головой. Он не спеша побрёл к полкам с горшочками. — Кто у тебя там ранен? Завалялось тут одно проверенное снадобье.

— Да я... то есть... друг мой! — едва не проговорился Таотэ, вовремя прикусив язык.

— Твой друг? — Старик подозрительно прищурился, держа в руках заветную баночку.

Сам-то Таотэ так и пыхал здоровьем — на нём ни царапины не было.

— Вот ракушки, всё забирайте! — Таотэ выхватил банку, сунул лекарю в ладонь увесистую горсть красных раковин и пуль выскочил на улицу.

В последний раз он покупал лечебную мазь в этой хижине, когда его а-фу и а-му истекали кровью после набега соседей. Те раны оказались смертельными. Из-за этих воспоминаний парню хотелось бежать отсюда без оглядки.

Сжимая в руке драгоценный горшочек, Таотэ во весь дух помчался обратно.

Влетев в хижину, он первым же делом скинул подушку, проверяя, жив ли его неожиданный гость. К счастью, недомерок оказался живучим — хоть и дышал через раз, но дух испускать не спешил.

Таотэ аккуратно вызволил его из одеяльного кокона. Понимая, что лишняя тряска навредит, он бережно обтёр запекшуюся кровь влажным клочком мягкой шкуры и нанёс на рану тонкий слой прохладного снадобья.

Эта мазь считалась у лекаря лучшей. Конечно, до стерильных регенерационных шприцев из его прошлой жизни ей было далеко, но в этом диком мире выбирать не приходилось.

Закончив с перевязкой, Таотэ развёл в кухне огонь, согрел воды и бережно, буквально по капле, напоил раненого. Затем растёр спелый рисовый плод в жидкую кашу и скормил малютке несколько крохотных ложек. Тот почти ничего не проглотил, но для существа размером с ладонь и этого было достаточно. Напряжение наконец отпустило Таотэ, и он облегчённо выдохнул.

Пока он возился у постели, солнце поднялось к самому зениту. Последние дни баловали теплом, и сегодня на улице вовсю по-весеннему припекало. Яркие лучи пробивались сквозь щели в двери, веером ложась на глиняный пол и заставляя жмуриться.

Решив навести порядок, Таотэ подобрал с пола крошечное тряпье, которое содрал с гостя накануне. Приглядевшись, он удивлённо присвистнул: это была искусно сшитая кожаная кольчуга.

Оборотни подобные доспехи не жаловали: в бою каждый из них полагался на звериную трансформацию, при которой любая броня лишь мешала и сковывала движения. Подобную тонкую работу обычно носили только гномы.

Кольчуга малютки, крошечная под стать хозяину, поражала сложностью. Все сочленения были на месте, а локти и лодыжки защищали миниатюрные, идеально подогнанные пластины на подвижных креплениях. Такое невероятное мастерство стоило безумных денег. Становилось ясно: этот гость — птица высокого полёта. Ни один заурядный оборотень, дварф или гном никогда бы не скопил на подобную роскошь.

Ещё Таотэ заметил странную деталь: на спине доспеха, как раз напротив лопаток, красовались два аккуратных круглых выреза. В отличие от остальной брони, эти места оставались совершенно незащищёнными. Судя по обработанным краям, кольчугу скроили так изначально — никаких следов спешной переделки или разрывов не было.

Таотэ задумался: не были ли эти прорезы как-то связаны с уродливыми шрамами на спине малютки?

Поначалу он собирался сжечь грязное тряпье, но, прикинув ценность редкого доспеха, передумал и припрятал его на самом дне сундука.

Когда Таотэ только переродился в этом мире, у него была прекрасная, любящая семья. Молодые и сильные а-фу с а-му души в нём не чаяли. Жили они небогато, но сына всегда окружали заботой и теплом. В их маленьком каменном доме всегда царил уют, пусть из обстановки там стояли лишь самые простые вещи.

Добывать пропитание порой бывало непросто, но родители расшибались в лепёшку, лишь бы их ребёнок засыпал сытым.

Едва выпадал свободный день, отец брал маленького Таотэ с собой за пределы поселения. Он учил его выслеживать дичь и искать съедобные коренья, терпеливо объясняя каждую мелочь. Мать же, хоть и помалкивала, всегда шла следом, бдительно следя, чтобы сын не угодил в неприятности. Она ни на шаг не отпускала его от себя, оберегая от малейшей опасности.

Таотэ быстро привык к этой суровой, но мирной жизни. Увы, счастье длилось недолго.

На третий год грянули небывалые холода. Налетевший буран сковал земли ледяным панцирем, и в племени начался лютый голод. Многие тогда погибли — кто от истощения, кто просто замёрз насмерть в своих жилищах.

Словно этого было мало, на ослабевших жителей напали соседи из племени Ая. Родителям Таотэ, состоявшим в корпусе самообороны, пришлось взяться за оружие, чтобы защитить свой дом.

Та битва унесла множество жизней. От всего корпуса уцелела едва ли сотня бойцов. А его а-фу и а-му... удача обошла их стороной. Они остались лежать на заснеженном поле боя.

С тех пор Таотэ остался совсем один в пустующем каменном доме. Жилище, когда-то идеальное для троих, теперь казалось слишком просторным и холодным.

Но он не опускал руки: держал комнаты в чистоте, регулярно полыл сорняки во дворе, а у забора разбил грядки с полезными травами. Именно там и рос целебный зеленолистник, который спас жизнь его маленькому пленнику.

Выйдя на порог и окинув взглядом ухоженный участок, парень почувствовал, как на душе немного потеплело. Пока солнце стояло высоко, он принялся перетаскивать сухие поленья под навес.

Среди щепок он наткнулся на металлический предмет. Это было крошечное копьецо размером с ладонь, испачканное бурой кровью. Похоже, оно вывалилось из рук малютки, когда тот рухнул в его корзину с хворостом.

Повертев в руках острое оружие, Таотэ здраво рассудил, что возвращать его опасно. Он запер находку в тот же сундук, где уже лежала кольчуга. А то мало ли — этот воинственный гном ещё решит ткнуть его ночью в глаз. Сам Таотэ приспособить копье к делу тоже не мог: разве что в зубах им ковыряться, но для зубочистки наконечник был слишком уж широким.

Закончив с домашними делами, Таотэ наконец-то позволил себе немного перевести дух.

Снадобье лекаря явно шло лесному гостю на пользу. Дыхание крохи выровнялось, а на смену лихорадочному хрипу пришёл спокойный сонный сап. Таотэ аккуратно сменил повязку и влил ему в рот ещё пару капель воды.

Малыш проспал трое суток. Время летело незаметно: Таотэ исправно обрабатывал его рану, поил тёплой водой и кормил кашницей из рисовых плодов. Если не считать того, что теперь нельзя было надолго отлучаться из хижины, его будни текли привычным чередом.

На четвёртое утро гость наконец открыл глаза. Он смотрел всё так же влажными круглыми глазами — настороженно и дико.

Не дожидаясь, пока тот начнёт паниковать, Таотэ заговорил первым:

— Лежи смирно, если жить хочешь. Я тебя с того света вытащил.

Раненый замер, передумывая подниматься, но взгляда от лица великана так и не отвёл.

— Посуди сам, — добавил Таотэ, присаживаясь рядом. — Хотел бы прирезать — у меня на это три дня было. Мне и оружия не надо, раздавил бы тебя двумя пальцами, как букашку, да и дело с концом. Да я мог просто оставить тебя подыхать в траве, результат был бы тот же.

Кроха нахмурился. На его забавном, бледном личике отразилась напряжённая работа мысли. Он всё ещё сомневался, стоит ли верить этому жуткому великану. Тот был невероятно, пугающе огромным. Он внимательно смотрел на него из-под нависших бровей, а широкая пасть, казалось, могла проглотить его целиком за один присест.

«Только бы не сожрал... Я не хочу быть обедом!»

— Ты кто такой?... Великан? — наконец подал голос малыш.

Голосок у него был совсем детский, писклявый, но он старался говорить как можно суровее, надув бледные, круглые, как пшеничные булочки, щёки.

<http://bllate.org/book/20392/2116038>